

А. А. ЗАЙЦОВ

1918: ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Арсений Зайцов

**1918: Очерки истории
русской Гражданской войны**

Издательство «Кучково поле»

1933

УДК 94
ББК 63.3(2)712

Зайцов А. А.

1918: Очерки истории русской Гражданской войны /
А. А. Зайцов — Издательство «Кучково поле», 1933

ISBN 978-5-9906462-2-3

Труд А. А. Зайцова (1889–1954), выдающегося русского военного ученого, впервые выходит в России. В нем рассматривается начальный период Гражданской войны в России. В книге ярко выступает мысль о тесной органической связи Гражданской войны с войной мировой. Эта неразрывная связь предопределила не только характер действий на территории России держав Согласия и Центральных держав, но и те главные стратегические ошибки, которые сделало наше главное командование Белого движения. Книга рассчитана на всех, интересующихся историей России.

УДК 94
ББК 63.3(2)712

ISBN 978-5-9906462-2-3

© Зайцов А. А., 1933
© Издательство «Кучково поле», 1933

Содержание

Предисловие к первому изданию	6
Предисловие автора	7
Глава 1. Общая характеристика нашей Гражданской войны 1918–1920 гг.	8
Глава 2. Сопротивление окраин октябрьскому перевороту и зарождение Добровольческой армии	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Арсений Зайцов
1918. Очерки истории
русской Гражданской войны

© Зайцов А., 2015

© ООО «Икс-Истори», 2015

Предисловие к первому изданию

Предлагаемый вниманию читателя труд профессора полковника А. А. Зайцова является первой попыткой объективного исторического исследования нашей Гражданской войны. Все, что до сих пор напечатано, представляет собою мемуары и записи непосредственных участников этой войны или же «Истории», изданные большевиками.

Труды первой категории очень многочисленны. В большей своей части они представляют собою ценнейший исторический материал. Но, как правило, авторы их субъективны в своих оценках, в особенности те, которые играли наиболее видные роли в ходе самих событий. Служа основой для объективного, т. е. для истинного, научного исторического исследования, они сами не могут почитаться за таковые.

Еще большей односторонностью страдает вторая категория трудов. Здесь мы имеем дело уже с преднамеренным искажением событий. Большевистская власть в составлении истории Гражданской войны видит одно из средств для создания себе морального престижа в глазах будущих поколений России, а также в глазах мирового общественного мнения. Преследуя эту цель, большевистские авторы не останавливаются ни перед сознательной клеветой на своих врагов, ни перед радужной раскраской своих красных героев. Нужно всегда помнить «социальное задание», которое большевистские деспоты ставят своим авторам, а именно – создание легенды, на которой их «комсостав» мог бы «воспитывать» защитницу III Интернационала – Красную армию.

Из только что сказанного видно, какое большое значение имеет появление в печати первого действительно научно объективного военно-исторического труда, посвященного изучению нашей Гражданской войны.

Однако труд А. А. Зайцова ценен не только тем, что он первый. Он ценен и сам по себе. Читатель легко убедится в этом, прочтя книгу.

Я же укажу здесь на то, что почитаю за главное достоинство книги.

Из исследования А. А. Зайцова ярко выступает мысль о тесной органической связи нашей Гражданской войны с войной мировой. Эта неразрывная связь предопределила не только характер действий на территории России держав Согласия и Центральных держав, но и те главные стратегические ошибки, которые сделало наше главное командование.

Первые продолжали вести войну между собой в Русском Доме, нисколько не считаясь с интересами самих хозяев этого Дома. Такое поведение союзников России, забывших свой долг перед Россией, так много раз выручавшей их в предшествующие годы войны, находит свое объяснение в том, что сами союзники продолжали вести борьбу не на жизнь, а на смерть... В этих условиях на циональный эгоизм, свойственный британской, а особенно французской политике, проявился с особенной силой.

Вместе с этим вожди, выдвинутые на верхи в начальный период революции, продолжали жить иллюзией возможности для России продолжать мировую войну вопреки воле русских народных масс. В политическом отношении это привело к захвату государственной власти большевиками, в стратегическом отношении – к крупным ошибкам высших руководителей в ведении Гражданской войны. Особенно рельефно это выразилось в том, что А. А. Зайцов удачно обобщил в словах «проблема Царицына».

Будем надеяться, что прием, который сделает этой книге читатель, позволит талантливому автору продолжать свою работу по исследованию нашей Гражданской войны.

Н. Н. Головин

Предисловие автора

Прошло 13 лет со времени окончания нашей Гражданской войны. Отсутствие материалов, неизбежное для эпохи разрухи и разложения, в которой она протекала, и недоступность для нас и тех разрозненных и случайных первоисточников, которые все же частично сохранились в архивах Советской России, конечно, не позволяют сейчас дать исчерпывающего исторически точного ее описания. Но отсутствие этих первоисточников, обязательных для изучения истории внешних войн, не является безусловным препятствием для изучения нашей Гражданской войны. Конечно, мы не располагаем архивами. Но так ли много могут дать русские архивы для изучения нашей Гражданской войны? И так ли нам нужно сейчас исчерпывающее описание всех ее эпизодов и создание многотомного тяжеловесного исторического труда, значение которого сможет быть оценено лишь бесстрастными историками будущего? Не важнее ли подвести итоги ее опыта в тот период, когда этот опыт еще не устарел и когда изучение нашей Гражданской войны имеет еще практическое значение?

Задачей настоящего труда поэтому и является не исчерпывающее описание всех ее перипетий, а лишь стремление уловить своеобразие ее характера и понять природу Гражданской войны в русских условиях в нашу эпоху. Конечно, опыт ее условен. Она происходила на значительно более пониженном этапе техники, чем хотя бы последняя война 1914–1918 гг., и велась в обстановке разрушавшейся материальной базы страны.

И тем не менее именно самим своим своеобразием она резко поставила проблему многогранности военного искусства и условности и относительности ценности боевого опыта войны. Во многие фетиши мировой войны она внесла свои очень ценные коррективы. Правда, что вместе с тем она внесла еще больше нездорового в умы и военные доктрины ее участников. Разобраться во всем этом, отместить все уродливое и уловить все ценное и является насущной задачей современного историка нашей Гражданской войны.

Попытки ее изучения как нами, так и красными грешат преобладанием мемуарной литературы. Отдельные труды красных, стремящиеся обнять ее в целом, сбиваются на стремление все объяснить противопоставлением побеждающего пролетариата «отмирающему капитализму». Конечно, подобное толкование очень поверхностно, если не наивно. Но в то же время и типичное для нашей страны стремление все объяснить главным образом подавляющей численностью красных и тем, что население еще не «переболело» большевизмом, конечно, тоже не вскрывает всех истинных причин нашего поражения и конечной победы красной стороны.

Нашу Гражданскую войну нельзя рассматривать как некое обособленное столкновение двух мировоззрений, двух систем на территории России в 1918–1920 гг. Начатая в разгаре мировой войны и завершившаяся в период ее ликвидации, она тесно с ней переплеталась и связывалась. Многое в ней становится понятным лишь при разборе ее с точки зрения всего комплекса мировых событий той эпохи.

Колебания военного счастья обеих коалиций в последний год мировой войны и следствия перенапряжения, вызванного войной у всех ее участников, оказывали решающую роль на ход нашей гражданской. Многое и нами и красными во время ее ведения просто недоучитывалось. Тем более важно сейчас в этом разобраться.

Слишком велика была наша ставка для того, чтобы не стремиться найти и понять причины нашего конечного поражения и извлечь из этой войны опыт для будущего.

Париж, 1 декабря 1933 г.

Глава 1. Общая характеристика нашей Гражданской войны 1918–1920 гг.

Противоречия между центром России и ее окраинами. Рабочие и революционная демократия. Казачество. Крестьянство. Экономическая разруха, паралич военной промышленности и разруха транспорта, резко понизившие по сравнению с мировой войной общий технический уровень, на котором велась наша Гражданская война. Своеобразие нашей Гражданской войны. Удельный вес России в мировой войне к началу Гражданской. Неотделимость нашей Гражданской войны от мировой и влияние на нее последней. Сложность и необходимость поэтому изучения нашей Гражданской войны исходя из общей обстановки, в которой она протекала. Деление ее на основные периоды.

Война, в которой обе стороны поставили на карту самый вопрос своего физического существования, после трехлетней, исключительной по ожесточенности борьбы закончилась победой красных. Белые были последовательно разбиты на всех фронтах. Но не везде победили и красные. Финляндия, Эстония, Латвия и Польша отстояли свою независимость, родившуюся на развалинах русского фронта мировой войны. Отстояла захваченную в разгаре русской революции Бессарабию и Румыния. Единые красные имели далеко не единых политических противников.

Русская революция разрушила не только социальные устои, на которых держалось государство Российское, но и те скрепы между окраинами и центральным ядром, которые лежали в основе устройства Российской империи. Первое явление резче бросалось в глаза участникам Гражданской войны. Выход России из мировой войны, диктатура пролетариата, грабеж «награбленного», сметавшая весь веками установившийся социальный порядок волна восставших низов и исторически окутанный мистическим ореолом «черный передел» земли крестьянством слишком били по воображению и слишком задевали участников Гражданской войны. Второе явление – распад империи из-за центробежных устремлений окраин, переставших ощущать притяжение распущенного большевизмом центра, – вначале осознавалось гораздо слабее, и его смысл и значение обеими сторонами сначала явно недооценивались. Красными самоопределение народов мыслилось все же в рамках нарождавшейся, по их представлениям той эпохи, мировой революции. Белые были склонны пренебрежительно называть его «самостийничеством» и стремились к возрождению Российского государства в пределах и формах дооктябрьского переворота. Широкая автономия Польши и Финляндии были, по существу, максимумом допускавшихся ими уступок центробежным устремлениям. Окраины стремились закрепить независимость или обособленность своего существования. Цели эти были прямо противоположны, и лишь борьба с общим для обоих противобольшевистских течений (и белого, и окраинных) врагом – большевиками временно сглаживала это коренное противоречие в целях борьбы.

Между тем центробежные стремления окраины были объяснимы.

Финляндия, коренные польские земли западнее Немана и Буга, вся правобережная (т. е. расположенная на западном берегу Днепра) Украина (кроме г. Киева), Бессарабия и Закавказье были вовлечены в состав Российской империи лишь примерно за сто лет до начала нашей Гражданской войны. Полное замирение Кавказа относится лишь ко второй половине XIX в., и только прибалтийская провинция (Ингерманландия, Эстония и Латвия) вошли в состав империи за два столетия до начала Гражданской войны.

Паралич центра в 1917 г. сразу нарушил то тяготение, которое уравнивало центробежные стремления окраин.

Уже Февральская революция, свергнувшая создавшую из Московской Руси Российскую империю династию, нанесла непоправимый удар престижу и собирательной способности центра. Историческая роль нашей династии в цементировании разноплеменного государства Российского и в связи центра с окраинами, безусловно, была недооценена русской контрреволюцией. Авторитету и престижу центральной власти падением династии был нанесен жестокий удар. Замена понятия государства Российского, исторически вылившегося в Российскую империю, идеей национальной России в корне нарушала те взаимоотношения между центром и окраинами, на которых держалось здание империи. Удельный вес центра упал, а удельный вес окраин повысился. Печальный опыт растратившего за восемь месяцев своего существования в 1917 г. престиж центра Временного правительства ставил под большой вопрос собирательную способность заменившей идею общероссийской династии идеи национальной России. Вопрос был, пожалуй, не столько в том, насколько идея монархии была возможна и уместна в эпоху нашей Гражданской войны, сколько в том, что падение династии в корне меняло иерархию отношений центра к окраинам. Взамен исторически сложившихся взаимоотношений, основанных на подчиненности интересов окраин интересам объединявшего и представлявшего общеимперскую идею центра, рождалась идея договорных отношений между ними. Идея национальной России в разноплеменной империи, наследуя традиции российской монархии, не обладала ни ее авторитетом, ни ее возможностями. Окраины поняли это сразу, и в этом основная причина того разнобоя в стане противников красных, который так типичен для эпохи нашей Гражданской войны. Навыки и приемы императорской России были не по плечу ее наследникам. Падение династии рождало новую эру не подчиненных, а договорных отношений между представителями общероссийского центра и центробежными силами российских окраин.

Принявшее участие в нашей Гражданской войне *население* октябрьским переворотом было разделено на два стана. С одной стороны – правящие и имущие классы и офицерство, за счет унижения и разорения которых другая часть населения получила столь желанные для них мир и землю. Именно мир, какой угодно ценой, хотя бы, по образному выражению самих же большевиков, даже «похабный», и «черный передел» земли крестьянством, а не классовая война или «перманентная революция» Троцкого были лозунгами, нашедшими отклик в широких слоях населения России, поддержавших большевиков.

Но кроме этих двух основных группировок выделились еще два слоя «наследников революции», выигравших от нее и заинтересованных в ее углублении и продолжении. Рабочему классу Октябрьская революция дала власть, и его партия – коммунистическая – стала единой правящей партией в стране. С другой стороны, Февральская революция ввела в правящий слой полубразованные классы, не имевшие доступа к верхам социальной (кстати, очень демократической, ибо образование давало возможность занятия самых высших постов в империи независимо от происхождения) иерархии Российской империи. Получив от революции доступ к верхам власти, они цепко за нее держались. «Полуинтеллигенты», или так называемая «революционная демократия», в 1917 г. заставили признать их «годность» править Россией. Изгнанная из центра большевистским переворотом, заменившим ее пролетариатом, она осела на не освоенных еще большевиками к началу Гражданской войны окраинах и крепко держалась за вы рванные ею еще в начале революции, до большевизма, привилегии.

Наряду с этими основными группировками среднее положение между окраинами и населением центра страны занимало казачество. Исторические условия создали из этих военных поселений на окраинах, постепенно отдалявшихся от центра империи, совершенно самобытные, жившие в значительной мере обособленной жизнью от остальной страны, казачьи территории. Экономические привилегии, сопровождавшиеся, правда, несравнимо более тяжелыми по сравнению с остальным населением страны условиями несения воинской повинности, и особый корпоративный казачий дух и уклад жизни неизбежно должны были привести казаче-

ство к столкновению с нивелирующими стремлениями большевиков. Весь вопрос был лишь в том, что казачество вначале верило в возможность обособленного существования наряду с большевиками и считало, что нейтралитетом в борьбе оно сможет сохранить свои вольности. Так же как и у окраин, связь казачества с общероссийским центром была сильно подорвана падением династии, и, несмотря на общность происхождения и религии, казачество после русской революции, что бы там ни говорилось, по существу дела, не стремясь к отдалению от России, все же чрезвычайно ревниво относилось к своей обособленности и с общероссийской властью стремилось войти не в подчиненные, а в равноправные, основанные лишь на договорах, отношения.

Громадная ценность казачества для вооруженной борьбы с большевизмом заключалась в том, что казачьи земли являлись исходными территориями для оформления вооруженной борьбы и давали готовые кадры живших на этих территориях бойцов. И действительно, вся история нашей Гражданской войны указывает на ту громадную роль, которую сыграло в ней наше казачество, быстро после первых колебаний понявшее, что без вооруженной борьбы ему своих вольностей и своей самобытности от большевиков не отстоять.

Однако без вовлечения в борьбу широких крестьянских масс (составлявших около 4/5 населения России) овладеть всем массивом российской территории не могли ни пострадавшие от революции, ни наследники октябрьского переворота. И имущие классы, и офицерство, и казачество в противоестественном, по существу дела, союзе с «революционной демократией», родившемся на почве лишь отрицательного отношения и тех и других к большевизму, с одной стороны, и рабочий класс с коммунистами – с другой, были слишком малочисленны сами по себе для возможности прочного освоения собственными силами российской территории. И белые, и красные одинаково нуждались в вовлечении в вооруженную борьбу основного слоя населения России – крестьянства.

Вопрос привлечения на свою сторону крестьянства был центральным вопросом предстоявшей вооруженной борьбы. Крестьянство, добившись мира, приступило к «черному переделу» земли. К вооруженной борьбе оно не стремилось, и по существу его отношение к ней было нейтральным, но все его симпатии к началу Гражданской войны были целиком на стороне большевиков, позволивших ему бросить фронт и привлекавших его миражем захвата и дележа земли. Оголение русского фронта, однако, еще не означало конца мировой войны, а «черный передел» готовил крестьянству большие сюрпризы в виде «продразверстки» 1918 г.

Но крестьянство в начале Гражданской войны твердо верило и в прочность мира, и в осуществление своей заветной мечты – захвата земли. Воевать оно поэтому совершенно не собиралось, и в начале нашей Гражданской войны будущее поведение этой стомиллионной инертной массы в процессе вооруженной борьбы оставалось загадкой. Ясно было лишь то, что из этой борьбы может выйти победителем только тот, кто привлечет его на свою сторону.

Мировая война и революция 1917 г. подорвали экономическую базу страны. Оккупация немцами 18 губерний (14 целиком и 4 частично) и особенно разруха 1917 г. резко понизили производительные силы страны. По сравнению с 1914 г. к началу Гражданской войны сбор хлебов упал на 12 %, а валовая продукция промышленности – на 23 %. Итак, уже революция 1917 г. свела на нет достижения русской промышленности, широко развернувшейся под влиянием требований мировой войны.

В дальнейшем, в ходе Гражданской войны, снижение экономической базы пошло уже прямо катастрофическим темпом. К ее концу сбор хлебов составлял лишь 62 %, а валовая продукция промышленности упала до 11 % довоенной. Нижеприводимая таблица (№ 1) дает это снижение по годам для главных отраслей тяжелой промышленности.

Из этой таблицы видно, что первый год революции (1917) дал снижение производства тяжелой промышленности, т. е. основной базы современной военной промышленности, в среднем на 10–30 % по сравнению с последним дореволюционным годом. В дальнейшем первый

год Гражданской войны дал снижение уже на 60–80 % в среднем, а второй год Гражданской войны – в среднем еще на 50 % по сравнению с предшествующим ему годом. В конечном итоге, к концу Гражданской войны добыча угля составляла лишь 23 %, нефти – 38 %, чугуна – 2,6 %, а стали – 3,7 % довоенного уровня.

Таблица № 1. СНИЖЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БАЗЫ РОССИИ ЗА ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

	1916 год	1917 год		1918 год	
	Добыча в тыс. тонн	Добыча в тыс. тонн	Снижение в % по сравнению с 1916 г.	Добыча в тыс. тонн	Снижение в % по сравнению с 1917 г.
Уголь	33 000	33 000	- 9%	12 000	- 59%
Нефть	10 000	8600	- 13%	3800	- 55%
Чугун	3860	3200	- 17%	500	- 84%
Сталь	4300	3100	- 28%	400	- 86%
Серная кислота	101	81	- 20%	20	- 75%
Азотная кислота	4,2	2,95	- 30%	0,35	- 88%

	1916 год	1919 год		1920 год	
	Добыча в тыс. тонн	Добыча в тыс. тонн	Снижение в % по срав- нению с 1918 г.	Добыча в тыс. тонн	Снижение в % по срав- нению с 1919 г.
Уголь	33 000	8500	- 30%	7600	- 8%
Нефть	10 000	4500	- 15%	3800	- 13%
Чугун	3860	100	- 77%	100	0
Сталь	4300	200	- 50%	160	- 20%
Серная кислота	101	23	- 17%	15	- 36%
Азотная кислота	4,2	0,5	- 57%	0,38	- 30%

В том же положении была и легкая промышленность. Производство сахара упало до 6,7 %, а хлопчатобумажной промышленности – до 5,1 % довоенного уровня.

То же состояние разрухи сказывалось и на железнодорожном транспорте. Нижеприводимая таблица (№ 2) дает основные цифры состояния транспорта во время Гражданской войны по сравнению с довоенным уровнем.

Таблица № 2. РАЗРУХА ТРАНСПОРТА ЗА ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ¹

¹ Барский, Никулин, Зеленинов. Роль железных дорог в Гражданской войне 1918-1921 гг. Табл. 2 // Гражданская война 1918-1921 гг. Т. II. М.: Военный вестник, 1928. С. 331.

	1914 г.	1916 г.	1917 г.
Среднее наличие паровозов в сутки	20 000	19 900	20 700
Из них % «больных», т. е. неисправных паровозов	15%	16,9%	23,2%
Всего вагонов	450 000	507 000	500 000
Из них % «больных», т. е. неисправных вагонов	4,9%	4,4%	7,4%
Число «здоровых», т. е. исправных вагонов на 1 «здоровый» т. е. исправный паровоз.	25	30	30
Среднее наличие паровозов в сутки	11 500	9100	13 100
Из них % «больных», т. е. неисправных паровозов	37,5%	51,4%	57,7%
Всего вагонов	302 800	250 000	310 000
Из них % «больных», т. е. неисправных вагонов	11,3%	18,4%	22,3%
Число «здоровых», т. е. исправных вагонов на один «здоровый» т. е. исправный паровоз.	38	45	43

Из этой таблицы видно, что разрушение транспорта шло сразу по двум направлениям – уменьшалось наличие парка подвижного состава и повышался процент неисправных паровозов и вагонов. В результате число «здоровых», т. е. исправных, паровозов по сравнению с последним дореволюционным годом уменьшилось почти *втрое*, а исправных вагонов – *вдвое*. Наконец, последняя строчка таблицы указывает на общую мощь железнодорожного парка. На один исправный паровоз в 1916 г. приходилось в полтора раза меньше вагонов, чем к концу Гражданской войны (30 вместо 43).

Разрушение железнодорожной сети за время войны измеряется следующими цифрами:

Таблица № 3. РАЗРУШЕНИЯ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СЕТИ РОССИИ ЗА ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (всего разрушено)²

Мостов	3597
Железнодорожного полотна (км)	1700
Стрелочных переводов	2900
Гидравлических насосов	264
Водоемных и водоподъемных зданий	466
Телеграфных проводов (км)	86 500
Телеграфных аппаратов	4300
Телефонных аппаратов	10 800

² Барский, Никулин, Зеленцов. Роль железных дорог в Гражданской войне 1918-1921 гг. Табл. 2 // Гражданская война 1918-1921 гг. Т. II. М.: Военный вестник, 1928. С. 339.

К тому же к концу Гражданской войны выслужили все сроки около 2/8 общего количества шпал и требовали срочной замены пришедшие в полную негодность 2900 км рельсов, между тем как наличие имевшихся в распоряжении ресурсов не превышало 10 % потребности (не более 290 км рельсов).

При подобной разрухе промышленности и транспорта, естественно, не могла работать и военно-техническая база. Действительно, хотя вся военная промышленность и была сосредоточена в центральной части России (Петербург, Подмосковный район и лишь отчасти Поволжье), в течение почти всей Гражданской войны остававшейся во власти большевиков, падение ее производительности было не менее катастрофичным. Нижеприводимая таблица (№ 4) дает это в цифрах.

Таблица № 4. СРАВНЕНИЕ РАБОТЫ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПО ГЛАВНЫМ ПРЕДМЕТАМ СНАБЖЕНИЯ ЗА ВРЕМЯ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН³

	Всего изготовлено за месяц			
	1914 г. средняя месячная до начала войны	Январь 1915 г.	Январь 1916 г.	Январь 1917 г.
Винтовок	5000	34 700	88 400	128 800
Пулеметов	76	216	506	1200
Ружейных и пулеметных патронов	46 млн	49,8 млн	114,6 млн	143,3 млн
76 мм (3") легких пушек	–	35	328	567

	Всего изготовлено за месяц				
	Декабрь 1917 г.	Февраль 1917 г.	Январь 1917 г.	Средняя месячная за 1919 г.	Средняя месячная за 1929 г.
Винтовок	44 600	15 600	39 000	39 000	25 000
Пулеметов	440	200	480	504	313
Ружейных и пулеметных патронов	49,7 млн	11,6 млн	19,7 млн	29,7 млн	27,5 млн
76 мм (3") легких пушек	49	-	-	305	-

То есть, иначе говоря, весь подъем русской военной промышленности за время мировой войны за первый же год революции был сведен почти на нет. Декабрь 1917 г. дает по сравнению с январем того же года почти тройное снижение производства винтовок, пулеметов и ружейно-пулеметных патронов и в 11 раз – по производству основного образца артиллерийских орудий – 76-мм (3») легких пушек. Последствием октябрьского переворота было снижение уже за два первых месяца 1918 г. производства русской военной промышленности еще втрое – по винтовкам, вдвое – по пулеметам и в 4,5 раза – по ружейно-пулеметным патронам. Все

³ Данные этой таблицы сведены из таблиц, приведенных в ст.: Волпе А. Военная промышленность в Гражданской войне // Гражданская война 1918-1921 гг. Т. II. С. 372, 375, 390.

попытки красных ее поднять за годы Гражданской войны смогли вернуть ее лишь к уровню середины 1915 г., т. е. эпохи начала развертывания нашей военной промышленности во время мировой войны.

Еще хуже обстояло дело у белых, совершенно лишенных на занимавшихся ими территориях заводов военной промышленности.

Ясно, что в условиях подобной разрухи наша Гражданская война протекала совершенно на ином этапе развития техники, чем непосредственно ей предшествовавшая и еще длившаяся в ее начале мировая война. Иной технический этап относит ее скорее к эпохе второй половины XIX в., чем к первой четверти XX. И это не могло не сказаться на приемах ее ведения и на возможностях, которыми располагали для решения своих задач обе боровшиеся стороны. Наша Гражданская война на десятилетия отставала от техники своей эпохи и велась в условиях такой экономической разрухи и такой технической немощи, которая, несмотря на всю нашу отсталость, так дорого нам стоившую в 1914-1917 гг., все же была невозможна в дореволюционной России. Примитивность технических средств, которыми располагали обе стороны, наложила резкий отпечаток на характер ее ведения, вызвав к жизни, казалось бы, давно уже отжившие свой век и примитивные формы. Необъятные же пространства России еще более разрезали и те скудные технические средства, которыми располагали боровшиеся стороны. Ведь если русский фронт мировой войны (1500 км) вдвое примерно превосходил французский, то фронты нашей Гражданской войны достигали временами впятеро большего протяжения, доходя до 8000 км...

Скудность технических средств и российские просторы, на которых разыгралась война, привели к той ничтожной насыщенности и плотности ее фронтов, которые возродили давно всеми забытый размах операций и те тактические приемы, которые артиллерией, авиацией и танками давно уже были сданы в архив.

Несмотря на весь ее внешний примитивизм, наша Гражданская война тем не менее представляет большой и чисто военный интерес, подчеркивая разнообразие форм военного искусства и приоткрывая завесу над многим из того, что было от нас скрыто позиционным характером мировой войны.

Наша Гражданская война перелилась непосредственно из внешней и притом коалиционной войны, потребовавшей от России наибольшего напряжения за всю ее историю со времен Наполеона. Она от нее неотделима. Ни наши противники, ни наши союзники не могли не считаться с наличием России, особенно в первый ее год, когда судьбы мира еще решались вооруженной борьбой на полях Франции и Греции (Салоники). Неотделима она от нее и потому, что 39 месяцев вооруженной борьбы России с коалицией Центральных держав выработали известную военную доктрину, создали известные представления о характере современной вооруженной борьбы и, главное, приучили к известным масштабам, созданным внешней войной. Все это было целиком перенесено в совершенно иные условия нашей Гражданской войны, и лишь ее непосредственный опыт заставил многое переменить и многое совершенно отбросить. Но пока Гражданская война в самом процессе борьбы выработала новые приемы и формы, влияние опыта и представлений мировой войны оказывало самое существенное влияние на ее ведение.

Октябрьский переворот практически означал окончание трехлетней вооруженной борьбы с коалицией Центральных держав на русских фронтах. Но от этого мировая война лишь вступала в новую форму. Октябрьский переворот только еще больше перемещал ее центр тяжести на французский фронт.

Удельный вес России в мировой войне вернее всего определяется не столько ее влиянием в среде коалиции, сильно подрывавшимся нашей технической отсталостью и финансовой зависимостью, сколько тем количеством сил наших противников, которые мы оттягивали на себя во время войны.

К началу революции, т. е. к 15 марта 1917 г., распределение сил Центральных держав по главным фронтам было таково⁴:

французский – 142 дивизии⁵, русский⁶ – 120 дивизий⁷.

Как это ни может показаться странным, но русская революция и почти мгновенно после нее начавшееся разложение нашего фронта вызвали новое его усиление германскими дивизиями. Отчасти это делалось за счет новых формирований, а отчасти за счет перебросок с французского фронта. Всего за время с 15 марта по 1 сентября 1917 г. немцами было сформировано 14 новых дивизий, и в то же время число дивизий на нашем фронте увеличилось также на 14 дивизий, т. е. все усиление германских армий за первую половину 1917 г. целиком было ими использовано для усиления русского фронта. При этом число германских дивизий на нашем фронте к 1 сентября 1917 г. – 90 являлось максимальным за все время войны...

Поэтому к 1 сентября 1917 г. соотношение сил наших противников на главных фронтах войны было следующим:

французский фронт – 142 дивизии,

русский фронт – 134 дивизии.

14 сентября был арестован Керенским Верховный главнокомандующий генерал Корнилов, и только с этого времени наши противники стали оголять русский фронт. Всего за осень 1917 г. до октябрьского переворота немцами было переброшено с русского фронта во Францию 7 дивизий, и ко времени захвата власти большевиками (7 ноября 1917 г.) соотношение сил на фронтах было таково:

французский фронт – 151 дивизия,

русский фронт – 127 дивизий⁸.

То есть к октябрьскому перевороту, несмотря на полное разложение нашей армии за восемь месяцев правления Россией Временного правительства, все же число дивизий наших противников на русском фронте увеличилось по сравнению с последними дореволюционными месяцами 1917 г. на 7 единиц.

Иначе говоря, к началу нашей Гражданской войны по своему удельному весу русский фронт лишь на 1/6 уступал главному фронту мировой войны. Ясно, что то или иное течение событий в России не могло не задевать самым чувствительным образом и наших союзников, и наших противников. Поэтому, как только после октябрьского переворота германские дивизии русского фронта потекли сплошной волной на французский фронт, наши союзники не могли не стремиться как-то этот поток задержать. В этом, конечно, и лежит основная и, пожалуй, единственная причина их интервенции в 1918 г...

11 ноября 1918 г. мировая война кончилась победой союзников. Значение России и для наших бывших врагов, и для наших друзей сразу упало почти до нуля. Попытки вооруженной борьбы с коммунизмом как с мировым злом довольно скоро были заменены нехитрой идеей «санитарного кордона» из лимитрофов и контролем над областями России, которые союзники не хотели отдавать во власть большевиков (Грузия, Азербайджан, Дальний Восток). В смысле же поддержки вооруженной борьбы белых с красными все ограничилось посылкой избытков запасов вооружения и снаряжения, оставшихся от мировой войны. Тем не менее союзная интервенция и в 1919 г. оказывала решающее влияние на ход нашей Гражданской войны. Борьба с коммунизмом, часто в ту эпоху трактовавшимся в Европе как послевоенная

⁴ Данные о количестве дивизий на разных фронтах во время войны заимствованы из основанного на официальных материалах германского Государственного архива в Потсдаме труда Гефе (*Gehre L. Die Kräfteverteilung während des Weltkrieges. Berlin: Mittler u. Sohn, 1928*).

⁵ Все германские.

⁶ Везде число дивизий относится только к Западному фронту; Кавказский и Персидский не учтены в числе дивизий.

⁷ 76 германских, 40 австрийских и 4 турецких и болгарских.

⁸ Из них 83 германских.

болезнь побежденных в связи с вспышкой большевизма в Центральной Европе в 1919 г., как-то в представлении победителей еще сливалась с эпохой вооруженной борьбы в мировую войну.

Созданная союзниками в противовес Германии Польша определенно намечалась ими в качестве орудия борьбы с большевизмом, и ее выступление весной 1920 г. не может не рассматриваться как продолжение интервенции союзников. Ведь не случайно же, конечно, совпадение даты признания Францией генерала Врангеля (10 августа 1920 г.) и начала сражения красных и поляков под стенами Варшавы (12 августа 1920 г.).

Победа поляков во второй половине сентября 1920 г., с точки зрения союзников, устранила непосредственную угрозу коммунизма Европе, и заключенное большевиками с поляками 12 октября 1920 г. в Риге перемирие можно считать концом интервенции и заключительным актом влияния на нашу Гражданскую войну войны мировой. Эвакуация Крыма (14–16 ноября 1920 г.) через месяц после Рижского перемирия по существу дела является концом и нашей Гражданской войны. Попытки закрепиться в Приморье в 1921–1922 гг. носили слишком местный и провинциальный характер для того, чтобы их можно было включить в ход нашей вооруженной борьбы с красными, носившей совершенно иной размах и ставившей себе совершенно иные и другого масштаба цели.

В общероссийском масштабе эвакуация Крыма, несомненно, была эпилогом нашей вооруженной борьбы с коммунизмом.

Прямое или косвенное влияние мировой войны красной нитью проходит через всю нашу Гражданскую войну, и только учитывая ее влияние, можно ее ввести в правильную историческую перспективу. Вмешательство в нее и наших противников, и наших союзников имело место тогда, когда это диктовалось интересами мировой войны и ее ликвидации. Вне этого интервенция, с их точки зрения, не оправдывала неизбежно связанных с нею жертв. Неизбежность борьбы капиталистического мира с коммунизмом, ясно сознаваемая этим последним, ведь и до сих пор не осознана Европой и Америкой. Только становясь на эту точку зрения, можно беспристрастно судить их поступки. Романтика в политике в XX столетии, несомненно, является анахронизмом, и строить на ней расчеты не приходилось и не приходится.

Именно исходя из этой неотделимости нашей Гражданской войны от войны мировой, изложение событий нашей вооруженной борьбы с красными приходится вести не по отдельным ее фронтам и не отделяя боровшихся в ней с красными белых от окраинных государств, а в общем масштабе борьбы, в которой порой самым причудливым образом переплетались действия и отдельных фронтов, и лимитрофных государств, и наших союзников, и наших противников по мировой войне. Лишь не теряя из виду общей картины борьбы, можно верно оценить и усилия, и степень влияния каждого из фронтов, и при этом неизбежно приходится пересмотреть некоторые из установок, получивших общее признание именно в силу искусственного их выделения из общих рамок борьбы в целом.

Тактические формы борьбы представляют гораздо меньший интерес, чем оперативные, в силу громадного снижения общего технического уровня, на котором происходила наша Гражданская война. Однако разнообразие условий борьбы на отдельных фронтах дает все же довольно много поучительного в этом отношении. Поэтому и опыт отдельных тактических эпизодов, и характер вооруженных столкновений в разные периоды и на разных фронтах нашей Гражданской войны, конечно, требуют изучения. Весь вопрос только в том, чтобы эти тактические формы и характеристики борьбы на отдельных фронтах не заслоняли общей оперативной и стратегической картины всей войны в целом. Иначе опыт борьбы на отдельных фронтах неизбежно ведет к опасным обобщениям и искажает многогранный характер нашей Гражданской войны, создавая искусственную схему несуществующих в действительности каких-то особых приемов ведения Гражданской войны в отличие от приемов ведения военных действий вообще. Искусственное создание особой теории Гражданской войны в противовес общей теории военного искусства при внимательном изучении нашей Гражданской войны не выдержи-

вает критики. Теория военного искусства одинакова для всякой войны. Весь вопрос лишь в ее применении и в учете общих условий вооруженной борьбы. А эти условия различны для каждой войны. Поэтому и гражданские войны разных эпох так же отличаются друг от друга, как и войны внешние на разных этапах истории.

Опыт нашей Гражданской войны, конечно, представляет несомненную и большую ценность для русских условий нашей эпохи, но от этого до создания на основании ее опыта общей теории всякой Гражданской войны, конечно, очень далеко, и подобные попытки заранее обречены на неуспех.

Общая политическая и стратегическая обстановка, в которой началась, развивалась и закончилась наша Гражданская война, совпадает с эпохой конца мировой войны и периода ее ликвидации. Поэтому в настоящих очерках и принято деление ее на периоды исходя из общей обстановки, в которой она протекала.

По существу дела, поэтому наша Гражданская война естественно делится на три основных периода. Первый – эпоха мировой войны, т. е. октябрьского переворота (7 ноября 1917 г.) до ее окончания (11 ноября 1918 г.)⁹. Второй – от перемирия на французском фронте до окончания борьбы с большевиками в общероссийском масштабе, т. е. до Новороссийской эвакуации вооруженных сил юга России, гибели адмирала Колчака, расформирования Северо-Западной армии генерала Юденича и эвакуации Архангельска и Мурманска. В общем, концом периода можно считать март 1920 г. Третий период характеризуется борьбой с большевиками Польши и Крымской армии генерала Врангеля (апрель – ноябрь 1920 г.).

В частности, *первый период* можно подразделить на следующие этапы:

1. Борьба до австро-германской оккупации и ухода Добровольческой армии в 1-й поход, обнимающая сопротивление Дона, Кубани и Украины, захват Румынией Бессарабии, зарождение Добровольческой и Кубанской армий на Дону и в Екатеринодаре до конца сопротивления Дона и Кубани. Началом его приходится считать октябрьский переворот (7 ноября 1917 г.), а концом – вторую половину февраля 1918 г.

2. Австро-германская оккупация Прибалтики, Западной Белоруссии, Украины, Крыма и Финляндии и 1-й Кубанский поход Добровольческой армии, т. е. эпоха с конца февраля по начало мая 1918 г.

3. Оформление русской контрреволюции, выразившееся в создании противобольшевистских фронтов на севере (Архангельск – Мурманск), по Волге, восстаниях Дона и Терека, июльских восстаниях правых и левых эсеров в Подмосковном районе и завоевании Добровольческой армией Кубани, т. е. лето 1918 г. (от начала мая до 1 сентября).

И наконец, 4. Осень 1918 г., или период стабилизации создавшихся летом антисоветских фронтов, сопровождавшийся частичными успехами Добровольческой армии на восточной Кубани и частичными неудачами Приволжского фронта и закреплении позиций Дона и Северной армии на Беломорском побережье (1 сентября – 11 ноября 1918 г.).

Второй период можно подразделить на следующие этапы:

1. Непосредственные следствия окончания мировой войны – падение и ослабление группировок, опиравшихся на оккупационные армии Центральных держав, создание новых государств на западной границе и военная интервенция союзников на юге России и в Закавказье. Одновременно с этим отход восточных армий к предгорьям Урала, выдвижение идеи всеимперской диктатуры адмирала Колчака и освобождение Добровольческой армией всего Северного Кавказа (11 ноября 1918 г. – конец февраля 1919 г.).

2. Переходный период – приспособление к новой обстановке, вызванной окончанием мировой войны. Перенос центра тяжести борьбы на юге с Кавказа на Дон, вооруженная интер-

⁹ Ввиду различия стилей на разных фронтах борьбы и повсеместного сейчас перехода на новый стиль все даты приведены по новому стилю.

венция и эвакуация союзниками юга России, создание западного противосоветского фронта и наступление армий адмирала Колчака от Урала до Волги (март – апрель 1919 г.).

3. Период оформления контрреволюции в общеимперском масштабе и ликвидация мировой войны – признание белыми фронтами правителем России адмирала Колчака, выдвижение Добровольческой армии на Украину и Нижнюю Волгу, наступление западного польско-латвийско-эстонского фронта, создание Северо-Западной армии генерала Юденича и отход армий Восточного фронта от Волги за Урал. Оформление конца мировой войны подписанием Версальского договора (май – август 1919 г.).

4. Общее наступление белых фронтов – Добровольческой армии на Москву (захват Орла), Северо-Западной армии на Петербург (захват Пулково) и армий Восточного фронта из Сибири к Уралу. Эвакуация союзниками Беломорского побережья и война белых с украинцами (сентябрь – первая половина октября 1919 г.).

5. Ликвидация белых фронтов – отход Добровольческой армии от Орла на Ростов (и крестьянские восстания на Украине), восточных армий в Сибирь и расформирование армии генерала Юденича (вторая половина октября – декабрь 1919 г.).

6. Агония белых фронтов – расстрел адмирала Колчака, ликвидация Северного фронта, Новороссийская эвакуация (январь – март 1920 г.).

Третий период можно подразделить на:

1. Польское наступление на Украине и оформление Крымской армии генерала Врангеля (апрель – май 1920 г.).

2. Поход большевиков на Варшаву и выход армии генерала Врангеля на Нижний Днепр, к границам Дона и на Кубань (июнь – август 1920 г.).

3. Польско-советское перемирие и ликвидация Крымского фронта (сентябрь – ноябрь 1920 г.).

Глава 2. Сопротивление окраин октябрьскому перевороту и зарождение Добровольческой армии

Перемирие с австро-германцами в Бресте 15 декабря 1917 г. Украина. Дон. Генерал Алексеев на Дону. Прибытие на Дон быховских узников. Зарождение Добровольческой армии. «Паритетное» донское правительство. Кубань, Терек, Закавказье, Урал. Начало мирных переговоров в Бресте 22 декабря 1917 г. Наступление советских армий и вооруженная борьба на Дону и Украине. Сепаратный мир Центральных держав с Украиной и вступление большевиков в Киев 9 февраля 1918 г. Перерыв мирных переговоров в Бресте и отъезд Троцкого. Разрыв большевиков с Румынией, перемирие с ней и ультиматум большевиков Румынии 16 февраля 1918 г. Разгром польского корпуса. Советская власть в Финляндии. Самоубийство генерала Каледина 11 февраля 1918 г. Уход Добровольческой армии в задонские степи 20–21 февраля 1918 г. Захват большевиками Новочеркасска 25 февраля 1918 г. Роль донского казачества в начале Гражданской войны.

7 ноября 1917 г. большевики почти без сопротивления захватили власть в Петрограде. Попытка наступления войск генерала Краснова (будущего донского атамана) от Гатчины на Петербург окончилась 14 ноября неудачей и его арестом. Неделью спустя, к 15 ноября, большевикам удалось сломить сопротивление войск (главным образом юнкеров), поддерживавших Временное правительство, и в Москве.

Первой заботой новой власти вместе с декретом об отмене собственности и дележе частновладельческой земли¹⁰ было стремление закончить войну. На следующий же день по захвате власти в Петрограде появился декрет «О мире». Временно и. д. Верховного главнокомандующего (после бегства Керенского) генералу Духонину 20 ноября большевиками был отдан приказ начать переговоры с австро-германцами. Отказ Духонина вызвал его смещение и назначение 22 ноября на его место большевика Крыленко.

26 ноября сменивший на посту Верховного главнокомандующего присяжного поверенного Керенского прапорщик Крыленко обратился по радио с предложением перемирия.

Получив его, генерал Людендорф запросил по телефону фактического главнокомандующего на русском фронте – начальника штаба принца Леопольда Баварского генерала Гофмана: «Можно ли разговаривать с этими людьми?» На что Гофман ответил: «Да, можно. Вашему Превосходительству нужны войска, и это первый их эшелон»¹¹.

2 декабря советская делегация, возглавленная Иоффе, Каменевым и Сокольниковым (бывший советский полпред в Лондоне), при секретаре (нынешнем заместителе народного комиссара по иностранным делам) Карахане и ряде военных экспертов перешла через линию германских окопов у Двинска и направилась в штаб германского Восточного фронта в Брест-Литовск. Руководство переговорами было возложено на генерала Гофмана. Любопытно, что в

¹⁰ Основные положения декрета «О земле» (8 ноября 1917 г.) гласили: «Право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля, государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д., отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней. За пострадавшими от имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования (ст. 1). Право пользования землею получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допускается (ст. 6). Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися смотря по местным условиям, по трудовой или потребительской норме. Формы пользования землей должны быть совершенно свободны – наделная, хуторская, общественная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках (ст. 7)».

¹¹ Воспоминания генерала Гофмана. Der Krieg der verzdumten Gelegenheiten. 1924. Verlag für Kulturpolitik. München. S. 189.

этот начальный период переговоров большевики, прекращая войну на русском фронте, в то же время еще настаивали на обязательстве немцев не перебрасывать во время переговоров *новых* сил на французский фронт, на что генерал Гофман охотно согласился, так как общая переброска была уже начата до начала переговоров и он мог обещать им не перебрасывать «новых» дивизий во время перемирия¹². После довольно длительных переговоров Иоффе уехал в Петроград за полномочиями, и по его возвращении, 15 декабря, было подписано перемирие на срок с 17 декабря по 14 января (1918) с автоматическим его возобновлением в случае непредупреждения о его окончании одной из сторон за неделю до истечения срока.

Каково было впечатление немцев от этой делегации, можно судить из воспоминаний того же генерала Гофмана: «Так как делегация обедала вместе с нами в офицерском собрании, нам удалось ближе познакомиться с отдельными ее членами. Естественно, что при размещении за столом обладавшие правом решающего голоса члены делегации (т. е. Иоффе, Каменев, Сокольников, Карахан, некая Бызенко, крестьянин, солдат и рабочий) были посажены выше, чем военные эксперты – адмиралы и офицеры. Я никогда не забуду первого обеда с советской делегацией. Я сидел между Иоффе и Сокольниковым. Против меня сидел рабочий, которого явно смущали многочисленные предметы столового прибора. Он пытался пользоваться ими всеми, но только вилку он применял исключительно для чистки зубов. Наискосок, рядом с принцем Гогенлоэ, сидела г-жа Бызенко, а с другой его стороны – крестьянин. Этот последний был типичным русским мужиком с длинными седыми лохмами и напоминавшей дремучий лес огромной бородой. Подававший к столу вестовой не смог удержаться от улыбки, когда на его вопрос, предпочитает ли он красное или белое вино, крестьянин осведомился – которое из них крепче, так как на более крепком он и решил остановить свой выбор»¹³.

По заключении перемирия, кстати, официально непризнанного на Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах, на 22 декабря было намечено начало мирных переговоров в Бресте.

Однако ни Украина, ни казачьи области, ни Закавказье не признавали власти большевиков. Довольно медленно распространялась она и в Сибири, и то лишь вдоль железнодорожной магистрали. По существу дела, прочно в Сибири советская власть утвердилась лишь четыре месяца спустя после октябрьского переворота, когда 26 февраля 1918 г. на II съезде Советов был избран Сибирский Совет народных комиссаров и Сибирский Центральный исполнительный комитет.

Родная России по крови и вере Малороссия, или Украина, с колыбелью Русского государства – Киевом историческими судьбами была в течение столетий оторвана от Московской Руси. Левобережная Украина с Киевом, т. е. области по восточному берегу Днепра, воссоединилась с Россией лишь в середине XVII в. (по Переяславскому договору 1654 г.), но Правобережная Украина, т. е. Киевщина, кроме самого Киева, Волынь и Подолия, равно как и побережье Черного моря («Новороссия»), влились в состав Российской империи лишь в самом конце XVIII в. при императрице Екатерине II.

Революция 1917 г. сразу пробудила центробежные стремления, главным образом среди украинской интеллигенции и полуинтеллигенции.

Еще при Временном правительстве, в апреле 1917 г., на Украинском национальном конгрессе была выдвинута идея национально-культурной автономии¹⁴, а 23 июня 1-м Универсальном были Украинской Центральной радой провозглашена эта автономия и создано украин-

¹² Воспоминания генерала Гофмана. *Der Krieg der verzdumten Gelegenheiten*. 1924. Verlag für Kulturpolitik. München. S. 192.

¹³ Воспоминания генерала Гофмана. *Der Krieg der verzdumten Gelegenheiten*. 1924. Verlag für Kulturpolitik. München. S. 193.

¹⁴ Резолюция конгресса гласила: «Согласно историческим традициям и нынешним реальным потребностям украинского народа, съезд признает, что только национально-территориальная автономия Украины в состоянии обеспечить потребности нашего и всех остальных народов, проживающих на Украинской земле». *Христюк П.* Украинская революция: Замітки і Матеріали. Т. I. С. 39.

ское правительство в виде «генерального секретариата» в составе главным образом украинских социал-демократов (Винниченко, Ефремова, Петлюры и др.). Провозглашая автономию Украины, она, однако, определенно не стремилась рвать с Россией¹⁵. 16 июля 2-м Универсалом и одновременной декларацией общероссийского Временного правительства взаимоотношения с Украиной были урегулированы на основании некоторого компромисса, причем за Временным правительством было признано право ут верждения генерального секретариата. Впрочем, это по следнее право, по анализу профессора барона Нольде, было лишь внешней фикцией (*rudum jus*)¹⁶.

Ни объем прав, ни компетенция генерального секретариата этим компромиссом даже приблизительно установлены не были. Весьма существенным пробелом в договоре рады с Временным правительством было и полное отсутствие указаний на территориальные границы Украины.

Октябрьский переворот Украиной признан не был, и 3-м Универсалом Центральной рады (20 ноября 1917 г.) была провозглашена Украинская Народная Республика.

3-й Универсал, провозглашая Украину народной республикой, все же не порывал единства с Россией, сохраняя с ней *федеративную* связь. Провозглашение республики объяснялось лишь отсутствием центральной российской власти, и первой задачей ставилась помощь всей России для создания общероссийской федерации¹⁷.

Границы территории Украины и 3-м Универсалом определялись крайне неопределенно. В частности, было оговорено, что Крым не входит в состав Украины. Решение вопроса о тех уездах Холмской, Воронежской и Курской губерний, где большинство населения составляли украинцы, также предоставлялось будущему.

Наконец, 3-й Универсал очень радикально решал земельный вопрос, уничтожив право собственности на землю всего «нетрудового элемента».

Собственной вооруженной силой новая республика, конечно, не располагала, так как все попытки формирования украинских частей сводились лишь к созданию вооруженных ватаг, боевая ценность которых была близка к нулю. Зато на территории Украины стояли войска наиболее многочисленного и наилучше оборудованного из-за наступления 1917 г. нашего Юго-Западного и отчасти Румынского фронтов. Поэтому уже в декабре представитель союзников, французский генерал Табуи, признал Украинскую Республику!

«Вчера, – писал генерал Табуи 18 декабря 1917 г. украинскому генеральному секретариату, – я получил приказание предложить Вам возможно скорее уточнить для передачи во французское посольство программу действий, которую могло бы проводить в жизнь украинское правительство в целях финансовой и технической ее поддержки Францией»¹⁸.

С 19 декабря Табуи считал, что Франция вступила в официальные сношения с Украиной¹⁹, а с 3 января 1918 г. генерал Табуи был назначен комиссаром правительства Французской Республики при правительстве Украинской Республики²⁰.

Признал Украину и английский представитель г-н Пиктон Бэджи (Picton Bagee).

¹⁵ Подлинный текст 1-го Универсала гласил: «Хай буде Украгна вільною. Не відділяючись від усієї Росії не розриваючи з державою Російською, хай народ український на своїй землі має право сам порядкувати своєю життям». *Христюк П.* Указ. соч. Т. I. С. 72.

¹⁶ Статья его – «Договор с радой» – в газете «Речь» от 20 июля 1917 г., цитированная у П. Христюка. Указ. соч. Т. I. С. 98.

¹⁷ Подлинный текст 3-го Универсала гласил: «Центрального правительства нема, і по державі шириться безвластє, безлад и руна. Видині (отныне) Украгна стає Українською Народною Республікою. Не відділяючись від Російсько-Республіки і зберігаючи єдність ш(единство с ней), ми твердо станемо на нашій землі, щоб силами нашими до допомогти всій Росії щоб вся Російська Республіка стала федерацією рівних, вільних народів...». *Винниченко В.* Відродження нашої Історія українсько-революції Киев: Відень, 1920. Ч. II. С. 75.

¹⁸ Подлинный французский текст письма приведен у Винниченко (*Винниченко В.* Указ. соч. Ч. II. С. 232, 233).

¹⁹ Подлинный французский текст письма приведен у Винниченко (*Винниченко В.* Указ. соч. Ч. II. С. 239).

²⁰ Подлинный французский текст письма приведен у Винниченко (*Винниченко В.* Указ. соч. Ч. II. С. 235).

Несомненно, что выступление генерала Табуи находилось в связи с заключенной в Париже 23 декабря 1918 г. англо-французской конвенцией, легшей в основу разграничения сфер влияния в России. Конвенция была подписана с французской стороны Клемансо, Пишон и Фошем, а с английской – лордом Мильнером и лордом Робертом Сесилем. Конвенция предусматривала действия французов «к северу от Черного моря против австро-германцев и враждебных союзникам русских (т. е. большевиков)»²¹. 3-й пункт конвенции ограничивал этот район Бессарабией, Украиной и Крымом. Англичанам поручались действия против турок, «к востоку от Черного моря – на казачьих территориях, Кавказе, в Армении, Грузии и Курдистане».

Генерал Табуи поэтому стремился поддержать попытки проведения украинизации Юго-Западного и русских войск Румынского фронта, полагая, что хотя бы этим путем удастся восстановить хоть обломки русского фронта. Эта точка зрения союзников при всей ее наивности, если учесть фронтовые настроения нашей солдатской массы осенью 1917 г., становится все же понятной, если вспомнить, что поток германских дивизий с русского фронта во Францию с октябрьского переворота до 1 мая 1918 г., когда эта переброска была закончена, равнялся 47 дивизиям, не считая тех 7, которые были уже переброшены за сентябрь и октябрь 1917 г. Усиление германского фронта во Франции на 54 дивизии, т. е. больше чем на 1/3 (всего к сентябрю 1917 г. у немцев на французском фронте было 142 дивизии), конечно, представлялось союзникам ката строфой, и ради прекращения этого потока они были готовы, да и должны были хвататься хотя бы как утопающий за соломинку.

Не меньший интерес своими естественными богатствами (особенно хлебом, скотом и конским составом) и возможностями ее противопоставления несговорчивым большевикам, наивно стремившимся связать мир с мировой революцией, Украина вызывала и у наших противников. Помощь союзников, связь с которыми была возможна лишь через Мурманск, Архангельск или Владивосток, после октябрьского переворота становилась для Украины совершенно иллюзорной. Признание Украины союзниками не могло ей дать ни войск, ни даже материальной поддержки. С другой стороны, тут же рядом стояли в зените своего могущества австро-германцы, склонные по многим причинам, из которых далеко не последней была идея расчленения и ослабления России, помочь осуществить Украине свою независимость. У других ворот, с севера, уже стучались большевики. Нужно было выбирать, и украинское правительство сделало свой выбор. Оно выбрало немцев.

Из не признавших октябрьского переворота казачьих областей на первом месте по своему удельному весу стоял Дон. Для правильного понимания роли Дона в начале Гражданской войны нельзя не остановиться хотя бы вкратце на его истории.

Зародившееся в низовьях Дона в середине XVI в., Донское Войско в начале своей истории было, в сущности говоря, совершенно независимым государственным образованием, связь которого с Москвой выражалась главным образом в пополнении его состава бежавшими из Москвы на Дон людьми²².

В XVI в., пишет известный историк профессор Платонов, «казаки выходили на Поле (т. е. на территорию южнее Калужских, Тульских и Рязанских «мест») из Московского государства и литовско-польских окраин. В различных местах Поля появились казачьи городки, и один из них – Раздоры на Дону (у слияния Дона с Донцом) становится как бы центром для бродящих по Полю казачьих станиц, т. е. организованных казачьих отрядов. Во главе станиц стоят атаманы, они собирают вокруг себя сотни и даже тысячи казаков и с ними проникают с Дона на Волгу, Каспий и Яик (р. Урал). Они ведут постоянную борьбу с татарами, грабят

²¹ Содержание этой конвенции приводится Черчиллем (*Churchill W. S. The World Crisis. The Afterwatch. London, 1929. P. 16*).

²² Платонов С. Ф. Смутное время. Прага, 1924. С. 52, 53.

всех, кого застанут на полевых дорогах между Москвой, Днепром и Черноморьем, но они же охотно нанимаются и на государеву службу, составляя особые отряды в московских войсках и поступая на службу к частным лицам. Не вошедшее в черту государства Поле стало, однако, русским и гостеприимно принимало в свои леса и на берега своих «польских» рек беглецов из государственного центра. Постепенно Московское государство стало осваивать Поле постройкой городов, занимаемых гарнизонами, обращая его как бы в пограничный военный округ. Но казачьи станицы по низовьям Дона и во вторую половину XVI в. продолжали оставаться вне всякого влияния московской власти. Приняв самое деятельное участие в Великой Смуте начала XVII в., донское казачество, несомненно, сыграло решающую роль в возведении на престол первого из Романовых царя Михаила Федоровича. Профессор Платонов определенно отмечает: «В русской письменности сохранился некоторый намек на то, что собор (1613) не сам пришел к мысли об избрании Михаила, а был к ней приведен посторонними давлениями, вмешательством со стороны. Есть рассказ, например, о том, что права Михаила на трон объяснил собору пришедший на его заседание какой-то «Славного Дону атаман»... есть и другой рассказ, что к троицкому монаху Аврааму Палицыну на монастырское подворье в Москве приходили вместе с дворянами и казаки с просьбой доложить собору их мысль об избрании Михаила. Эти не вполне определенные сообщения содержат в себе намеки, достаточно деликатные, на казачье влияние в Москве, на то, что первая мысль о Михаиле принадлежала именно казакам. Не намек, а прямые утверждения, и притом неделикатные, о том же самом исходили от поляков. В официальных объяснениях польских дипломатов с московскими в первое время по выборе Михаила москвичам приходилось выслушивать «непригожие речи». Лев Сапега грубо высказал Филарету (отцу царя Михаила Федоровича) при московском поселе, что «посадили сына его на московское государство одни казаки донцы»²³.

Несомненно, что внешняя роль донского казачества при избрании царем Михаила Федоровича не вполне точно отражала внутренний смысл событий²⁴, но также несомненно, что донское казачество этим актом впервые поднялось со ступени бродивших по Полю станиц на ступень составной части государства Российского.

После избрания царем Михаила Федоровича казаки основались на Дону в виде своеобразного сообщества с выборной властью (старшиной) во главе. Правда, что на Дон продолжали течь беглецы и собою «полнили реку», но с воцарением Романовых Дон уже перестал быть независимой вольницей и становится в некоторые вассальные отношения к Москве.

Вся история Дона в XVII и XVIII столетиях представляет собою борьбу старой идеи «беспардонной» казачьей вольницы с новым положением Донского Войска как составной части государства Российского. Подавление Москвой бунта донского казака Степана Разина в 1671 г. приводит к потере Доном права политического убежища беглых из Московского государства, и вассальные отношения Дона к Москве заменяются лишь автономией Дона. Присяга 1671 г. войскового круга вводила Дон и юридически в состав государства Российского. В 1705 г. Дон теряет и право убежища для беглых рабов, военнослужащих и т. п. Второй бунт, донского атамана Кондратия Булавина (1708), подавленный Петром Великим, быстро приводит к потере Доном и этой государственной автономии и замене ее лишь автономией областной. Выборный атаман заменяется атаманом наказным (1723), т. е. назначенным центральной властью, а Дон становится с 1721 г. лишь «Донской провинцией», подведомственной Военной коллегии. Третий бунт, донского же казака Емельяна Пугачева (1773–1775), лишает Дон и этой областной

²³ Платонов С. Ф. Смутное время. Прага, 1924. С. 225.

²⁴ Конечно, эта точка зрения иностранцев (так же смотрели и шведы) не вполне верно отражает самое существо вопроса, и С. Ф. Платонов дальше (с. 296) говорит: «Учитывая это впечатление иностранцев, историк не должен забывать, что роль казачества в царском избрании не была скрыта и от московских людей, но представлялась им иначе, чем иностранцам. Царское избрание, замирившее смуту и успокоившее страну, казалось земским людям особым благодеянием Господним, и приписывать казакам избрание того, кого «сам Бог объявил», было в их глазах неприличной бессмыслицей».

автономии, и на Дону вводится войсковое гражданское правительство, а в 1791 г. на Дону проводится и закрепощение крестьян. В 1848 г. войсковым атаманом назначается впервые даже не донец (генерал Хомутов), и эта традиция поддерживается до самой революции 1917 г.

Однако исторически создавшийся своеобразный уклад особой казачьей жизни с земельными привилегиями для казаков и особыми, несравненно более тяжелыми по сравнению с остальным населением империи, условиями воинской повинности остаются в силе. Наряду с казачьим населением, доходившим к началу нашей Гражданской войны до двух, например, миллионов донских казаков, в пределах области Донского Войска проживало, однако, еще свыше двух миллионов неказачьих, так называемых «иногородних». В подавляющем большинстве это было пришлое в конце XVIII и особенно в течение XIX в. из центральных областей России малороссийское крестьянство и отчасти осевшее, главным образом на юге области, пришлое же городское и рабочее население. В 1915 г. иногородние составляли более половины населения области (56 %). Стремления иногородних, жаждущих приступить к дележу и частновладельческих, и казачьих земель, совершенно точно отражали общие стремления всего русского крестьянства в эту эпоху. Их чаяния и надежды были чаяниями всего русского крестьянства в конце 1917 г., и большевистский лозунг «черного передела» делал иногороднее население естественным союзником большевиков, тем более что словечко эсера Чернова о том, что «казакам придется потесниться на их землях», облекало эти чаяния в совершенно реальную для них форму.

Особенно сильным было преобладание иногороднего населения в юго-западной части области, главным образом в присоединенных к Дону лишь в 80-х гг. прошлого столетия городах Ростов с Нахичеванью и Таганрог и входившем в состав Таганрогского округа Донецком каменноугольном районе.

Революция 1917 г. сразу пробудила стремление к восстановлению самостоятельности Дона.

Уже в апреле 1917 г. в донской столице – Новочеркасске собрался первый Донской казачий съезд, который единогласно признал необходимым «восстановить седую старину – войсковой круг и выборного войскового атамана»²⁵. В первой половине июня собрался войсковой круг и уже 1 июля 1917 г. избранный войсковым атаманом донской казак – генерал от кавалерии Алексей Максимович Каледин²⁶ во главе нескольких сот членов войскового круга, осененный старинными бунчуками, после двухсотлетнего перерыва шествовал, имея в руках древний атаманский пернач, в войсковой собор в Новочеркасске. В связи с выступлением Верховного главнокомандующего генерала Корнилова в сентябре 1917 г., Временное правительство объявило донского атамана его соучастником и «изменником родине», отдало его под суд и прислало приказ генералу Каледину явиться в Могилев для дачи показаний Чрезвычайной следственной комиссии.

²⁵ Мельников Н. А. М. Каледин // Донская летопись. Вена: Донская историческая комиссия, 1923. № 1. С. 16.

²⁶ А. М. Каледину было в это время 55 лет. По окончании Михайловского артиллерийского училища он был произведен в офицеры в конно-артиллерийскую батарею Забайкальского казачьего войска. Прослушав курс Академии Генерального штаба, он в течение шести лет прослужил на должностях Генерального штаба в Варшавском военном округе, и хотя он отбывал строевую ценз (командование эскадроном и дивизионом в полках регулярной кавалерии), но затем в течение пяти лет занимал должность старшего адъютанта войскового штаба Донского Войска в течение трех лет – начальника Новочеркасского казачьего юнкерского училища и четырех лет – помощника начальника войскового штаба Донского Войска, проводя, таким образом, в родном ему войске большую часть своей службы. Перед войной генерал Каледин был только что произведен в генерал-лейтенанты и выступил на войну начальником 12-й кавалерийской дивизии. Ранение, два Георгиевских креста, командование XII корпусом и 8-й армией во время Луцкого прорыва выдвинули его в первые ряды наиболее выдающихся наших военачальников последней войны, и лишь русская революция и расхождение с всегда несправедливым к нему и во время революции признавшим его «несоответствующим духу времени» Брусиловым заставили его уйти весной 1918 г. на покой – в Военный совет.

Генерал Каледин гласно перед всей Россией заявил, что хотя он никакого участия в выступлении генерала Корнилова не принимал и о нем не знал, но если бы знал, то поддержал бы Корнилова всемерно, и готов нести полную ответственность как идейный его соучастник.

Войсковой круг, однако, стал на сторону своего выборного атамана и, заявив, что «с Дона выдачи нет», сам «судил» Каледина и, восстановив его в правах, «приказал ему вновь вступить в исполнение атаманских обязанностей».

Когда Временное правительство было свергнуто большевиками (октябрьский переворот), генерал Каледин занял совершенно определенную позицию непризнания и борьбы с захватчиками власти. Атаман и донское правительство (чисто казачье) 21 ноября 1917 г. приняли на себя всю полноту государственной власти в пределах Донской области. Донское Войско, «пока не образуется в России всенародная признанная законная общероссийская власть»²⁷, становится независимым государственным образованием.

Этим начинается новая эпоха в жизни Донского Войска.

Симпатии численно преобладавшего иногороднего населения к большевикам и изменившееся положение Дона, ставшего самостоятельным государственным новообразованием, выдвигают идею так называемого «паритета», т. е. привлечения к правлению землей Донского Войска и иногородних на равных началах с казачьим населением. Созванный 15 декабря 1917 г. Большой войсковой круг (так называемый третьего созыва) принял идею паритета и, переизбрав генерала Каледина войсковым атаманом, постановил:

«1. Принять войсковому правительству всю полноту власти до создания законной все-российской власти.

2. Предоставить половину мест в правительстве (8 мест) представителям от неказачьей части населения.

3. Назначить на 11 января 1918 г. новый съезд войскового круга и съезд неказачьего населения как съезд Краевого учредительного собрания»²⁸.

Таким образом, идея казачьего противосоветского фронта, чем по существу дела было донское правительство до принятия паритета, была заменена идеей независимого демократического государства, половина населения которого, получившая теперь равное участие во власти, была настроена по отношению к большевизму далеко не непримиримо. Ища союзников в борьбе с большевизмом, донское казачество в изменившейся политической обстановке решило опереться как раз на те слои, которые именно этой поддержки ему дать не могли. Оригинально, что октябрьский переворот, выдвинув идею независимости Дона, как-то затемнил в представлении его правителей истинные интересы казачества. Сам Каледин высказался на войсковом круге: «Управлять областью, опираясь только на одну часть населения, невозможно. К местным делам необходимо привлечь все население области»²⁹. Войсковой же круг пошел еще дальше, полагая, «что на Дону власть конструировалась по принципу, провозглашенному большевиками, – самоопределения народностей, что войсковой круг – демократическое учреждение, что неказачье население привлекается к власти совместно с казаками на равных началах», и решил послать делегацию для переговоров в 17-й стрелковый полк (карательный отряд большевиков на пограничной станции Чертково) и даже «к Ленину в Петроград вместе с представителями карательного отряда для выяснения дела и для возвращения на место (?) 17-го стрелкового полка»³⁰. И это в то время, когда большевики уже разгромили (29 ноября) и арестовали заседавший в Петрограде Совет Союза казачьих войск за его протест против посылки

²⁷ Каклюгин К. Войсковой атаман А. М. Каледин и его время // Донская летопись. Вена, 1923. № 2. С. 148.

²⁸ Каклюгин К. Войсковой атаман А. М. Каледин и его время // Донская летопись. Вена, 1923. № 2. С. 152.

²⁹ Каклюгин К. Войсковой атаман А. М. Каледин и его время // Донская летопись. Вена, 1923. № 2. С. 151.

³⁰ Каклюгин К. Войсковой атаман А. М. Каледин и его время // Донская летопись. Вена, 1923. № 2. С. 152.

на Дон карательного отряда, а ни одно казачье войско не признало Советов. Всего этого круг не знал...

То же стремление отмежеваться от большевиков, которое введением паритета ослабляло способность сопротивления Дона советской власти, привело и к другому совершенно нежизненному объединению по чисто территориальному признаку земель юго-востока России. Еще до октябрьского переворота – 2 ноября – был подписан договор об образовании Юго-Восточного союза представителями войск Донского, Кубанского, Терского и Астраханского и горцами Кавказа, а 27 ноября новое, совершенно фиктивное объединенное правительство этого союза «открыло свои действия» на Кубани в Екатеринодаре.

Между тем реальная обстановка на Дону определенно первой задачей выдвигала не строительство Донского государства, а вооруженную борьбу с большевизмом. Возвращавшиеся на Дон казачьи полки, в значительной степени распропагандированные на фронте, однако, воевать не хотели.

15 ноября, день спустя после утверждения советской власти в Москве, на Дон прибыл генерал Алексеев³¹. Он сразу же приступил к организации общероссийской вооруженной силы, сперва называвшейся Алексеевской организацией, а впоследствии ставшей Добровольческой армией.

29 ноября в Макеевке (в Таганрогском округе, центр угольной промышленности) была провозглашена Донская социалистическая республика, а 3 декабря 272-й пехотный запасный полк, вынесший резолюцию о непризнании власти донского правительства, был генералом Калединым разоружен при содействии офицеров Алексеевской организации. Однако в ночь на 9 декабря в Ростове была провозглашена советская власть при помощи прибывших в Ростов матросов Черноморского флота.

Генерал Каледин вначале на предположение генерала Алексеева «воспользоваться юго-востоком России, и в частности Доном, как богатой и обеспеченной собственными вооруженными силами базой для того, чтобы собрать там оставшиеся стойкими элементы – офицеров, юнкеров, ударников, быть может, старых солдат и организовать из них армию, необходимую для водворения порядка в России», хотя и согласился дать приют русскому офицерству, но просил «не задерживаться в Новочеркасске более недели и перенести свою деятельность за пределы области – в Ставрополь или Камышин»³². Обстановка, сложившаяся в ночь на 9 декабря в связи с восстанием в Ростове, однако, изменила его первоначальную точку зрения, и, придя к генералу Алексееву, он сказал: «Михаил Васильевич. Я пришел к вам за помощью. Будем как братья помогать друг другу. Всякие недоразумения между нами кончены. Будем спасать, что еще возможно спасти».

³¹ Генерал М. В. Алексеев, командовавший перед войной XIII корпусом, выступил на войну начальником штаба Юго-Западного фронта. В 1915 г. он становится главнокомандующим Северо-Западным фронтом, а с принятием на себя в конце сентября 1915 г. государем императором верховного главнокомандования, стал Его начальником штаба. Верховный главнокомандующий при Временном правительстве весной 1917 г. генерал Алексеев был общепризнанным крупнейшим военным авторитетом русской армии. Ко времени его прибытия на Дон ему было 60 лет.

³² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1922. Т. II. С. 156.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.